

Дитя Скверны

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬКО

18+

Елена Неделько
Дитя Скверны

«Автор»

2026

Неделько Е.

Дитя Скверны / Е. Неделько — «Автор», 2026

Магия здесь — это не искрящиеся огненные шары, а паразитическая Скверна. Мор, который питается жизненной силой живых существ. Там, где магия сильна, земля превращается в хрустящий от золы прах, а небо навсегда затянуто серой взвесью. Остатки человечества ютятся на изолированных островах-архипелагах, соединенных хрупкими мостами из освященной стали. Единственный способ остановить Скверну — добраться до Источника в сердце мертвого материка и запечатать его. Церковный конклав насильно связывает Лирайн и Кая кровным обетом. Теперь боль одного становится болью другого, а рана одного исцеляется только за счет жизненных сил второго. Если один умрет, второй последует за ним через три удара сердца. Теперь они вынуждены выполнить миссию. Добраться до Источника и прекратить Мор. Вместе.

© Неделько Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вкус праха	6
Глава 2. Кровь	9
Глава 3. Корабль	13
Глава 4. Стражи Шпиля	17
Глава 5. Алтарь из костей	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Неделько

Дитя Скверны

Лирайн (Рина) — Девушка-беженка с выжженного континента. Она «пепельная» — человек, чей организм адаптировался к Мору. Прямой контакт с чистой магией убивает её за секунды, но она способна поглощать остаточную скверну, нейтрализуя её прикосновением. Из-за этого дара церковь считает её нечистой, а аристократы используют как живой антидот для своих отравленных земель. Лирайн цинична, страдает от хронической боли и панически боится привязанностей, так как любой всплеск сильных эмоций рядом с ней может спровоцировать выброс Мора.

Кайрен (Кай) — Последний истинный архимаг старой школы, чья сила завязана на крови. Чтобы творить заклинания, ему нужно проливать чужую кровь или свою собственную. Он заперт в парящем над пеплом замке-тюрьме, куда его сослали собственные ученики-предатели. Кайрен высокомерен, жесток, привык смотреть на людей как на расходный материал, но обладает энциклопедическими знаниями о природе магии. Его тело покрыто шрамами от ритуальных порезов, которые никогда не заживают до конца.

Глава 1. Вкус праха

В Соборе Святого Очищения всегда пахло жженым сахаром и медью. Для обычных прихожан это был аромат святости — запах плавящегося воска и старых монет, брошенных в ящик для пожертвований. Лирайн знала правду. Это воняла её собственная кровь.

Она стояла на коленях у алтаря из белого мрамора. На ней было грубое рубище кающейся, которое насквозь промокло под грудью. Третий раз за неделю. Епископ Гидеон снова нашел повод вызвать «Пепельную» перед утренней мессой.

— Ты слаба сегодня, дитя, — его голос звучал как скрежет песка по стеклу. Он носил перчатки из тончайшей кожи, хотя до неё не дотрагивался. Святость боится грязи. — Твой грех давит на тебя.

Лирайн ничего не ответила. Спорить с епископом означало получить лишний удар серебряным прутом по ключицам. Она просто смотрела на свои ладони. Кожа там была серой, почти пепельной, испещренной сеткой черных вен, похожих на прожилки угля. Там, где она касалась скверны, плоть отмирала безболезненно, оставляя лишь хрупкую корку.

Гидеон воздел руки над чашей со святой водой. Вода должна была быть прозрачной. Но сейчас она пузырилась, приобретая густой багровый оттенок. Мор просочился в акведуки Восточного Острова. Снова.

— Именем Света, я приказываю тебе очистить эту скверну! — провозгласил епископ.

Это был их маленький грязный секрет Церкви. Они называли это экзорцизмом. На деле же они использовали живую губку.

Лирайн шагнула вперед. Мраморный пол обжигал босые ступни холодом. Она опустила руки в чашу.

Боль пришла не сразу. Сначала вода просто стала тяжелой. Затем Лирайн почувствовала *его*. Магия Мора — густая, голодная, пульсирующая слепой первобытной яростью. Она потянулась к её сердцу, желая выпить досуха, обратить в прах вместе с костями.

Но внутри Лирайн жила другая магия. Антимагия. Пустота.

Она сжала кулак.

Скверна взвизгнула. Багровая муть втянулась сквозь поры её кожи, прокатилась черным спазмом по горлу. Мир вокруг поплыл, теряя краски. Звуки Собора — шарканье ног монахов, треск свечей — стали глухими, словно уши набили ватой. Цвет ушел последним: алый витраж окна-розы превратился в кусок грязного льда.

Когда всё закончилось, чаша сияла стерильной чистотой. Вода в ней снова была ледяной и мертвой.

Лирайн пошатнулась. Ноги отказывались держать. По подбородку текла струйка черной, вязкой слюны. Легкие горели так, будто она вдохнула расплавленное железо.

Епископ Гидеон даже не посмотрел на неё. Он благоговейно перекрестился на очищенную воду.

— Благодарю тебя за службу, сосуд. Можешь идти. Следующая порция будет после заката. Кажется, восточная стена гавани начала крошиться.

Он развернулся, шелестя парчовой рясой, и покинул алтарную часть. Остались только двое стражников-чистильщиков. Их лица были скрыты серебряными масками с узкими прорезями для глаз. Один из них подошел и грубо дернул Лирайн за цепь, продетую через железное кольцо в её ошейнике.

Они повели её вниз, в крипту. Здесь не было ни запаха сахара, ни блеска золота. Только вечная сырость, крысы и гул прибоя, бьющегося о базальтовый фундамент острова.

Клетка встретила её привычным лязгом. Стражники отстегнули цепь, втолкнули девушку внутрь и заперли тройной засов. Пол здесь состоял из решеток, под которыми плескался холодный ил.

Лилайн рухнула на бок, подтянув колени к животу. Рвотный спазм наконец согнул её пополам. Из рта вывалился комок черного снега. Она сплюнула остатки скверны и прижалась щекой к ледяному камню.

Тишина длилась недолго. Где-то в дальних казематах, куда никогда не проникал свет, раздался звук. Не крик боли и не вой монстра. Это был ритмичный, сухой стук металла о металл.

Удар. Пауза. Удар.

Нож, врезающийся в плоть. Снова. И снова.

Лилайн знала этот ритм. Так резали себя безумцы или высшие маги крови перед ритуалом. Последних на островах осталось всего трое, и все они давно сошли с ума от собственной силы. Но звук доносился из самой глубокой камеры. Камеры, ключ от которой хранился лично у Верховного Инквизитора.

Стук прекратился. Наступила звенящая тишина. А затем воздух в крипте изменился. Он стал тяжелым, наэлектризованным. Волоски на руках Лилайн встали дыбом.

Черные вены на её предплечьях вспыхнули болью — предвестником чужого выброса. Кто-то внизу колдовал, и сила рвалась наружу, ища, кого бы сожрать. Решетка клетки напротив её камеры жалобно закрипела, покрываясь инеем цвета запекшейся крови.

Лилайн зажмурилась, готовясь к тому, что её разорвет на части резонансом. Она была антитодом, но концентрированный яд чистой магии мог убить и её.

Взрыва не последовало. Вместо этого замок на её собственной двери щелкнул.

Древний механизм, который не открывали десятилетиями, провернулся сам собой. Дверь приоткрылась с тихим вздохом, впуская в камеру волну морозного воздуха.

На пороге стоял мужчина.

Он был высок, истощен до состояния скелета, обтянутого бледной кожей, и абсолютно наг. Его тело представляло собой карту шрамов — свежих, еще сочащихся кровью геометрических разрезов. От запястий до локтей, от горла до пупка. Кровь перестала течь мгновенно, сворачиваясь прямо в воздухе темными рубиновыми кристаллами.

Его глаза были единственным ярким пятном в этом царстве гнили. Два осколка кобальтового льда. Гордые, совершенно ясные и полные такого вселенского презрения, что у Лилайн перехватило дыхание.

Маг крови. Тот самый, из легенд. Архитектор Выгорания, запертый Церковью в самом глубоком аду. Кайрен.

Он сделал шаг внутрь. Цепи на его ногах волочились по полу, но замки на них были раскушены, словно сделаны из стекла. Он остановился ровно на границе тени от дверного косяка. Солнечный луч из вентиляционной шахты сверху упал на его лицо, заставив кожу слабо дымиться.

— Они используют тебя как тряпку, чтобы стирать блевотину своего бога, — его голос оказался неожиданно низким, лишенным всякой хрипоты сумасшедшего. Каждое слово он произносил четко, взвешивая звуки. — Меня зовут Кайрен. Я собираюсь выбраться отсюда, пепельная девочка. И ты пойдешь со мной.

Лилайн попыталась отползти назад, пока лопатки не уперлись в сырую стену. Её губы дрожали.

— Если ты тронешь меня, Церковь превратит твой остров в новый кратер.

Кайрен медленно улыбнулся. Улыбка сделала его лицо хищным, почти нечеловеческим. Он поднял руку. На его ладони лежал её собственный ржавый ошейник, который стражники забыли снять.

— Боишься? — спросил он, наклоняя голову. — Правильно делаешь. Но бояться нужно не меня. То, что идет следом за нами из-за моря, выпьет твоего епископа вместе с его святым престолом, даже не заметив вкуса.

Он бросил ошейник ей под ноги. Металл звякнул о камни.

— Выбирай сама, Лирайн. Умереть тут завтра от очередного приступа благочестия или сгореть снаружи, пытаясь спасти то, что эти лицемеры уже списали в утиль.

Где-то далеко наверху, над фундаментом собора, послышался протяжный, леденящий душу вой сирены воздушной тревоги. Гавань. Стена, о которой говорил Гидеон, всё-таки рухнула.

Кайрен отступил в темноту коридора, растворяясь в тенях, которые теперь подчинялись ему беспрекословно.

Лирайн посмотрела на свой ошейник. Потом перевела взгляд на открытую дверь своей клетки.

Запах жженого сахара исчез. Теперь весь мир пах только озоном, свежей кровью и неотвратимой смертью.

Глава 2. Кровь

Сирена захлебнулась так же внезапно, как и началась. На смену ей пришел другой звук — низкий, вибрирующий гул, от которого заныли зубы. Фундамент Собора дрожал. Лирайн знала этот звук: это стонала освященная сталь мостов, когда по ней ступали химеры Пепельной долины. Твари научились ходить по металлу.

Кайрен не стал ждать. Он просто шагнул обратно во тьму коридора, растворяясь в ней, словно был соткан из самого мрака.

— Если передумала умирать на коленях, пепельная, шевелись, — его голос прозвучал уже откуда-то слева, эхом отражаясь от каменных сводов. — У тебя есть три минуты, пока стража не очнулась от моего маленького подарка. Я добавил немного своей крови в их вино для причастия. Они будут очень заняты тем, что попытаются выколоть себе глаза собственными ложками.

Лирайн заставила себя встать. Ноги были ватными после утренней чистки чаши, но адреналин гнал черную кровь по венам быстрее. Она перешагнула порог клетки. Открытая дверь казалась ловушкой. Епископ Гидеон скормит её Мору живьем, если узнает, что она помогла бежать главному еретику континента.

Она схватила с пола ржавый ошейник. Металл обжег пальцы холодом. Замок был сломан — перекушен или сожжен кислотой чужой магии. Лирайн швырнула железку обратно в темноту камеры и бросилась следом за голосом.

Коридоры крипты изгибались под невозможными углами. Архитектура старых времен работала против неё: лестницы уходили вниз глубже уровня моря, а факелы горели зеленым пламенем скверны, которой здесь быть не должно. Кайрен двигался впереди размытым пятном. Его спина была открыта, каждый позвонок торчал под бледной кожей. Он оставлял за собой дорожку из черных кристаллов свернувшейся крови. Там, где они касались влажного ила, ил шипел и испарялся.

— Куда мы идем? — выдохнула Лирайн, перепрыгивая через лужу, в которой плавалодохлое нечто, похожее на слепого младенца с клешнями вместо рук.

— Наверх, — коротко бросил он. — В гавань. Мой корабль ждет.

— У Церкви нет кораблей, которые бы ты смог зачаровать! Любой парус вспыхнет от твоей ауры!

Кайрен резко остановился. Развернулся так быстро, что Лирайн едва не врезалась в него. Теперь они стояли в узком проходе, где потолок давил на плечи. От близости его тела воздух пошел трещинами.

— Мне не нужны паруса, чтобы пересечь Мертвый пролив, — процедил он. Его дыхание пахло медью и чем-то сладковатым, напоминающим запах гниющих цветов. — Но мне нужен якорь. Кто-то, кто будет держать мою голову целой, пока реальность вокруг нас будет сходиться с ума. Ты ведь чувствуешь это, да? Как давление растет?

Лирайн кивнула. Скверна всегда давила на виски перед штормом. Сейчас казалось, что череп сжимают в тисках.

Они выбрались к служебному пандусу для выгрузки угля. Здесь воняло гарью и солью. Выход на набережную завалило рухнувшим фрагментом внешней стены. Между камнями пробивался тусклый свет умирающего дня. Небо над Восточным Островом стало густо-фиолетовым. Цвет чистого, концентрированного Мора.

— Нам не выйти, — Лирайн прижала ладонь к груди, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Каждый удар отдавался болью в почерневших венах. — Стража...

Договорить она не успела.

Тяжелая дубовая дверь, ведущая на набережную, слетела с петель. В проеме стоял один из чистильщиков. Тот самый, что спустил её в крипту. Серебряная маска съехала набок, обнажив нижнюю половину лица — серую, покрытую свежими язвами. Из уголка его рта тянулась ниточка черной слюны.

Вино сработало слишком хорошо. Чистильщик сошел с ума, но тело всё ещё подчинялось рефлексам. Он занес тяжелый огнемет-сжигатель.

Лирайн вскинула руки чисто инстинктивно, закрывая лицо. Её магия-пустота рванула наружу раньше, чем она успела осознать движение. Волна антимагии ударила в сжигатель. Механизмы оружия взвыли, шестерни пошли юзом, а горячая смесь внутри бака обратилась в инертный песок.

Чистильщик взвыл и нажал на спусковой крючок. Вместо струи пламени ему в лицо вылетело облако едкой пыли. Он ослеп мгновенно.

Но вместе с оружием умерла и последняя защита Лирайн. Давление в голове достигло пика. Черные вены на шее запульсировали, выпуская тонкий, почти невидимый шлейф пепла прямо в лицо стоящему рядом Кайрену.

Архимага согнуло пополам.

Он упал на одно колено, уперевшись руками в грязный пол. Хрип, вырвавшийся из его горла, больше походил на рычание раненого зверя. Кристаллы крови на его коже начали стремительно таять, превращаясь в жидкую багровую жижу. Раны, нанесенные им самим час назад, раскрылись вновь. По ребрам, животу, бедрам потекли алые ручьи.

— Нет-нет-нет... — простонала Лирайн, падая на колени рядом с ним.

Её прикосновение было ядом. Но сейчас яд мог стать лекарством. Логика церковных экзорцистов, которую она впитывала годами. Магия питается жизнью. Значит, жизнь может напитать магию.

— Прости, — прошептала она и положила обе ладони ему на грудь, прямо поверх сочащихся ран.

Мир исчез.

Для обычных людей передача силы выглядит красиво: золотое сияние, исцеляющий свет. Для них это выглядело как агония.

Лирайн почувствовала, как её собственная жизненная сила — теплая, солоноватая, полная страха и ненависти — вытягивается из костей. Она видела свою энергию тонкой серебряной нитью, которая впивалась в разверстую плоть мага. Кайрен пил её. Не жадно, как чудовище, а методично, как утопающий пьет воздух — ровно столько, сколько нужно, чтобы легкие не лопнули.

Его раны начали затягиваться. Медленно, мучительно, оставляя после себя лишь розовые, свежие рубцы. Багровый лед снова сковал его артерии.

Когда поток иссяк, Лирайн повалилась на бок. Перед глазами плясали черные пятна. Сердце билось через раз. Она попыталась вдохнуть, но в легких было пусто. Она отдала слишком много. Почти подошла к той грани, за которой начинается необратимое истощение.

Кайрен поднялся. Движения стали текучими, хищными. Он возвышался над ней, заслоняя фиолетовое небо. Взгляд его кобальтовых глаз прояснился, сменив безумие на ясность. И благодарность. Опасную, тяжелую благодарность собственника.

— Эффективно, — констатировал он, проводя окровавленной рукой по своему теперь гладкому лицу. — Ты только что спасла меня ценой собственной жизни. Это создает определенный долг.

— К демонам твой долг... — выдавила Лирайн, пытаясь нашарить опору. — Дай... воды.

Он проигнорировал просьбу. Вместо этого Кайрен опустил на корточки. Одним резким движением задрал рукав её рубища. Провел пальцем по внутренней стороне её локтя, там, где кожа была относительно чистой.

— Браслет, — сказал он.

На её предплечье красовался широкий металлический обруч. Тонкая работа, гравировка в виде терновых ветвей. Церковный сдерживающий браслет. Обычно он холодный, но сейчас раскалился докрасна, впиваясь в мясо. Он блокировал выбросы скверны при сильных эмоциях. Проблема была в том, что отдача всей жизненной силы тоже считается сильной эмоцией. Браслет начал прожигать её руку насквозь, реагируя на смерть клеток.

— Сдохну сама, без твоей помощи, — прохрипела она.

Кайрен щелкнул пальцами. Воздух между ними замерцал. Он начертил в пространстве короткую кровавую руну. Символ боли.

Браслет на руке Лирайн издал оглушительный треск и рассыпался в рыжую пыль. Ожог остался, но жар ушел.

— Я не позволю тебе умереть, пепельная, — тихо произнес он. — Пока Источник не запечатан, твоя пустота принадлежит мне. Мы связаны резонансом. Если ты истечешь кровью, моя магия сойдет с ума и выжжет архипелаг дотла. Эгоизм, ничего личного.

Он легко, будто пушинку, поднял её на руки. Лирайн ожидала почувствовать вес мертвого мяса, но Кайрен оказался обманчиво легким. Словно кости у него были полыми, как у птицы.

— Закрой глаза, — приказал он.

Она послушалась. Вцепилась мертвой хваткой в ворот его несуществующей рубашки, прижимаясь щекой к холодной, влажной от пота коже. Запах крови стал невыносимым.

Воздух снаружи перестал существовать. Остался только рев ветра, разрывающего барабанные перепонки, и ощущение бесконечного падения вверх. Кайрен не шел по разрушенному городу. Он *прорезал* пространство. Шаг сквозь саму материю реальности, используя пролитую ею кровь как краску, а её угасающую жизнь как холст.

Спустя вечность или несколько секунд ветер стих. Под ногами мага хрустнуло дерево.

— Можешь смотреть.

Лирайн открыла глаза.

Они стояли на палубе корабля. Дерево борта было старым, просоленным, но абсолютно чистым — ни пятнышка ржавчины, ни следа Мора. Палуба была пуста. Ни матросов, ни капитана. Только натянутая штуртросовая цепь, бьющаяся о мачту, и перевернутая шлюпка на баке.

Кайрен осторожно сгрузил её на кучу промасленных канатов. Сам он выпрямился, запрокинув голову к небу. Фиолетовый купол над портом отсюда, с кромки берега, казался еще ближе.

— Они думают, что удержат стену молитвами, — проговорил архимаг, глядя на далекий силуэт города, охваченного паникой. — Пусть молятся. Скоро их богу станет не до них.

Лирайн подтянула колени к груди, кутаясь в остатки своего рубища. Озноб становился невыносимым. Организм бунтовал против такого расхода ресурсов.

— Почему я? — спросила она, глядя на свои руки. Черные вены пульсировали в такт ударам её слабого сердца. — На островах сотни таких, как я. Почему вытащил именно меня?

Кайрен обернулся. Уголок его губ дернулся в подобии усмешки.

— Потому что другие сгорят дотла, если я посмотрю на них дважды. А ты... ты умеешь пить пепел и оставаться живой. Кроме того...

Он сделал паузу, подошел к борту и посмотрел вниз, где в свинцовой воде отражались всполохи пожаров.

— Когда мы проходили мимо главной залы Собора, епископ Гидеон лично плеснул на тебя кипящим елеем. Святым маслом. Оно сошло с твоей кожи паром, не оставив и следа. Церковь считает тебя нечистой, девочка. Но настоящий Свет никогда не причиняет боли тому, кому принадлежит.

Он повернулся к ней всем корпусом. Ветер трепал его спутанные волосы.

— Ты не сосуд для их грязи. Ты — ошибка в их уравнении. А ошибки системы всегда ведут к самым интересным результатам.

Где-то глубоко в трюме корабля что-то тяжело и ритмично застучало. Звук огромного, просыпающегося механизма. Или сердца.

Кайрен протянул ей руку. Ладонь была теплой и сухой.

— Добро пожаловать на борт «Мemento Мори», пепельная. Следующая остановка — дно мира. Надеюсь, ты не страдаешь морской болезнью.

Лилайн смотрела на его ладонь. Затем медленно подняла взгляд на фиолетовое небо. Гавань Восточного Острова перестала существовать — её поглотила волна живого черного стекла, катящаяся со стороны материка.

Она вложила свою обожженную, лишенную сил руку в его ладонь.

— Меня зовут Лилайн, — сказала она. — И лучше зови меня так. Иначе я перегрызу тебе горло, когда ты будешь спать.

Кайрен рассмеялся. Впервые за тысячу лет смех истинного мага звучал над водами Мертвого пролива. Он сжал её пальцы, переплетая их со своими, и громко отдал приказ в пустоту:

— Поднять якорь. Полный ход.

Глава 3. Корабль

«Мemento Мори» не плыл по воде. Он пожирал расстояние.

Лилайн поняла это, когда тошнота от пространственного перехода наконец отступила. Корабль двигался в абсолютной тишине. Не было плеска волн о борт, скрипа мачт или хлопков парусов. Паруса отсутствовали вовсе. Деревянный корпус не рассекал свинцовую воду — он висел над ней на высоте ладони, оставляя за кормой дымящийся след застывающего стекла.

Кайрен стоял у штурвала. Древко из черного дерева казалось продолжением его рук. Он управлял кораблем не веревками и командами, а давлением воли. Там, где ему нужно было повернуть, вода вскипала кровавыми пузырями и расступалась сама собой.

— Почему здесь никого нет? — голос Лилайн прозвучал хрипло. Она сидела на бухте канатов, обхватив колени руками. Озноб сменился жаром; организм сжигал последние запасы жира, пытаясь восстановить пробитые магическим истощением каналы. — Ни команды, ни кока. Ты украл призрак?

Кайрен не обернулся. Его взгляд был прикован к горизонту, который больше не был линией. Впереди вздымалась стена фиолетового тумана — граница мертвого материка.

— Зачем мне кок, если я могу заставить гнить мясо прямо в трюме? Зачем мне матросы, если ветер подчиняется моему пульсу? — он постучал двумя пальцами по собственному запястью. — Этот корабль построен из костей Левиафана, утонувшего во время Выгорания. Я просто напоминаю костям, каково это — быть частью живого чудовища.

Словно в ответ на его слова, палуба под ногами Лилайн едва заметно содрогнулась. Это не было качкой. Это был вдох. Деревесина борта натянулась, обнажая стыки. В щелях между досками блеснуло что-то влажное и желтоватое.

Лилайн подошла ближе, преодолевая дурноту. Она провела пальцем по шву палубы. Краска треснула. Из-под неё медленно, тягуче выступила капля густой, черной смолы. Капля набухла и сорвалась вниз. Она не упала на дно шлюпа. Она зависла в воздухе, вытянулась в нить и втянулась обратно в дерево, словно пуповина.

— Твои корабли строят из мертвых богов, — констатировала Лилайн, вытирая испачканный палец о рубище. Смола пахла озоном и старым склепом. — А чем их сшивают? Веретеном и молитвой?

— Кровью тех, кто слишком много знал, — Кайрен наконец соизволил посмотреть на неё. Его глаза потеряли часть своего ледяного блеска, став почти человеческими в полумраке наступающей ночи. — Осторожнее, пепельная. Если «Мemento» решит, что ты вкусная, он переварит тебя вместе с твоими антимагическими потрохами. Левиафаны всегда ненавидели пустоту.

Он оттолкнулся от штурвала и шагнул к ней. Доски палубы скрипнули, но не под его весом — они прогибались там, где ступала его тень.

— Сними рубашку, — сказал он будничным тоном, каким просят передать соль.

Лилайн замерла. Жар её тела боролся с холодом морского ветра.

— Что, прости?

— Рубашку. И то, что осталось от твоей кожи на спине. Антимагия замедляет регенерацию. Моя кровь ускорит её, но контакт должен быть прямым. Если ткань попадет в рану, начнется некроз. Учитывая ценность моего личного лекарства, некротизировать тебе спину сейчас крайне невыгодно.

Это была логика мясника. Или хирурга. В случае Кайрена эти понятия давно стали синонимами.

Она хотела огрызнуться. Сказать, что скорее позволит воронам выклевать ей глаза, чем примет помощь от палача Церкви. Но спина горела так, будто её прижгли раскаленной сеткой. Браслет Гидеона оставил после себя не только ожог — благословенное масло просочилось под кожу, и теперь плоть там пузырилась гнилью при каждом выбросе адреналина.

Не говоря ни слова, Лирайн стащила через голову мокрое, пропахшее криптой рубище. Холодный воздух ударил по открытой коже. Она осталась стоять, дрожа, подставляя взгляду мага свою спину.

Там не было ничего человеческого. От лопаток до поясницы кожа представляла собой месиво из черных струпьев, лопнувших волдырей и сочащихся сукровицей язв. Следы сотен чисток. Церковь называла это «письмом Света». На деле это была карта боли, выжженная серебряными прутьями.

Кайрен подошел вплотную. Тепло его тела ощущалось физически, как угроза. Он протянул руку. На кончиках пальцев уже собирались знакомые рубиновые кристаллы.

— Будет больно, — предупредил он. — Больнее, чем в Соборе. Магия крови честна. Она требует равноценного обмена.

Первый кристалл коснулся её плеча.

Лирайн закричала.

Это не было похоже на экзорцизм. Экзорцисты брали скверну *из* неё. Сейчас же чужая сила вливалась внутрь, разрывая сосуды изнутри. Кристаллы вонзились в гниющую плоть, превращаясь в жидкий огонь. Черные струпья начали отслаиваться с влажным, чавкающим звуком, открывая розовое, новорожденное мясо. Агония была настолько чистой, что на секунду Лирайн потеряла зрение. Перед глазами поплыли белые пятна, а затем...

Затем пришла тьма.

Она очнулась от запаха. Резкого, металлического, животного. Так пахнет свежая требуха на бойне.

Лирайн лежала лицом вниз всё на той же бухте канатов. Спину тянуло приятной, горячей тяжестью. Никакой боли. Никакого жжения масла. Только зуд заживления.

Она попыталась приподняться на локтях и увидела его.

Кайрен сидел на корточках рядом. Его собственная одежда — некогда черные штаны из плотной ткани — превратилась в лохмотья, пропитанные кровью. Но кровь была не его. Вся передняя часть его торса, руки до самых плеч были покрыты глубокими, зияющими порезами. Он вспорол себе живот крест-накрест, обнажив бледные петли кишечника, которые тускло пульсировали в такт дыханию корабля.

Рядом с ним стояла медная чаша, доверху наполненная темной жидкостью. Он методично макал туда зазубренный нож и проводил лезвием по собственным ребрам, обновляя раны.

— Ты... выпотрошил себя, чтобы залечить мою царапину? — прохрипела Лирайн.

Кайрен поднял на неё взгляд. В глазах плясало безумие, смешанное с тяжелым, наркотическим удовлетворением.

— Царапину? — переспросил он, опуская нож. — Девочка, твой позвоночник светился сквозь гной. Мне пришлось выращивать тебе новую подкожную клетчатку. Для этого нужен катализатор. Чистая агония высшего порядка.

Он указал ножом на чашу.

— Выпей.

— Я не буду пить твою...

— Это не моя кровь, — перебил он. — Почти. Это концентрат памяти Левиафана. Морская вода, пропущенная через сердце мертвого бога и обогащенная моим гемоглобином. Тебе

нужны минералы, иначе новые мышцы будут рваться при ходьбе. Пей. Или я волью это тебе силой, разжав зубы клинком.

Лирайн села. Каждое движение давалось легко — тело казалось невесомым и обманчиво сильным. Она взяла чашу. Металл обжег пальцы. Жидкость внутри была густой, как сироп, и светилась изнутри тусклым бирюзовым светом.

Она зажмурилась и сделала глоток.

Вкус оказался вкусом утопления. Соленая вода, паника последнего вдоха, хруст ломающегося льда над головой и бесконечная, слепая злоба океанического дна. Воспоминание чужой смерти прокатилось по пищеводу и вспыхнуло в желудке звездой.

Её вырвало прямо на палубу. Но вместо желчи наружу вышло облако черного пепла — остатки церковных проклятий, которые она носила в себе годами.

Когда спазмы прошли, она смогла дышать. Мир стал четче. Цвета — ядовитее. Она видела каждую чешуйку на невидимом боку Левиафана под днищем корабля.

— Мы пересекаем Барьер, — сообщил Кайрен, выливая остатки жидкости из чаши за борт. — Приготовься. Скверна снаружи любит играть с воспоминаниями.

Палуба резко накренилась. Фиолетовая стена тумана оказалась прямо перед носом корабля. «Мemento Мори» вошел в неё без малейшего сопротивления.

Звук исчез первым. Поглотился ватной массой мглы. Затем исчез горизонт. Они плыли в киселе цвета запекшейся крови.

А потом начались голоса.

— ...ты обещала вернуться до дождя, мама... — прошептал детский голос прямо над ухом Лирайна. — Почему твои руки такие холодные?..

Лирайн дернулась, врезавшись спиной в фальшборт. Дерево под лопатками затрещало. Голос был её собственным. Тот день, когда патруль нашел её среди остывающих тел на Выжженном плато. Ей было семь. Она держала за руку труп женщины, которая не была ей матерью, потому что настоящая мать продала её храмовникам еще в младенчестве.

— Тише, — рука Кайрена легла ей на затылок. Пальцы погрузились в волосы — жесткие, властные. — Не сопротивляйся. Оно питается страхом. Если начнешь биться, Барьер покажет тебе, как выглядит твоя печень изнутри.

— Убери руки, — выдохнула Лирайн, но попыток отстраниться не сделала. Тепло его ладони было единственным реальным предметом в этом мире расплавленных воспоминаний.

Туман вокруг сгущался, принимая форму лиц. Лиц людей, которых она вытаскивала из очагов Мора своими голыми руками. Их пустые глазницы обвиняли её. «Ты забрала нашу боль, но не спасла нас».

Кайрен резко развернул её к себе, заставляя смотреть только на него. Его лицо было всего в нескольких дюймах.

— Смотри на меня, — приказал он. — Слушай мой голос. Барьер показывает то, чего мы стыдимся. Мой Барьер показывает горы трупов, которыми вымощен мой путь к власти. А твой?

— Оставь меня в покое, — простонала она, цепляясь за его плечи. Её ногти впивались в его свежие порезы, но он даже не поморщился.

— Нет. Твоя слабость заразительна. Назови свое самое страшное преступление, — его голос стал тише, гипнотичнее. — То, за что Гидеон пытал тебя сильнее всего.

Лирайн закрыла глаза, пряча лицо у него на груди, вдыхая запах соли и меди.

— Мальчик, — выдавила она. — В порту Архипелага-9. Ему было двенадцать. Нога попала в капкан скверны. Я могла снять поле, поглотив металл. Но металла было слишком много, он бы убил меня. Поэтому я... я держала купол только над его головой. Держала три часа, пока он кричал. А потом опустила руки, когда прибежали стражники. Я позволила им забрать его целиком, лишь бы сохранить свои руки для следующего приказа епископа.

Воздух вокруг них дрогнул. Обвиняющие лица тумана замерли, потеряв четкость. Кайрен тихо выдохнул. Это был смех.

— Всего лишь? Какая очаровательная сентиментальность.

Он взял её за подбородок, заставляя снова поднять взгляд. Его глаза в багровой мгле светились собственным огнем.

— Запомни правило номер один, пепельная. На моем корабле нет грехов. Есть только целесообразность. Ты сохранила инструмент. Хороший хозяин никогда не выбрасывает полезный клинок из-за капли ржавчины.

Туман начал редеть. Впереди показался берег. Черный песок, уходящий в никуда. Небо над материком выглядело как открытая гнойная рана.

Кайрен отпустил её. Расстояние между ними снова стало физическим, осязаемым, и Лирайн вдруг почувствовала холод потери.

— Добро пожаловать домой, — сказал архимаг, отворачиваясь к штурвалу. — Материк приветствует своих детей. Постарайся не умереть в первые двадцать минут. Местная флора очень застенчива — она убивает прежде, чем успеваешь поздороваться.

Глава 4. Стражи Шпиля

Черный песок материка не скрипел под ногами — он пел. Тонкий, на грани слышимости звон хрустальных игл, из которых состоял берег. Каждая песчинка была микроскопическим осколком застывшего заклинания.

Кайрен прыгнул с борта «Мemento Мори» первым. Деревянный мостик за его спиной тут же втянулся в тело корабля-левиафана со влажным чавканьем. Пути назад не было.

— Не наступай на красные прожилки, — бросил он через плечо, даже не оборачиваясь. — Это нервная система земли. Если раздавишь её, ближайшие скалы решат, что мы обед.

Лирайн последовала за ним. Рубаха осталась на корабле; спину плотно стягивала свежая кожа, но каждое движение плечом отзывалось фантомной болью и странным, тянущим теплом там, где Кайрен касался её затылка. Она куталась в обрывки своего рубища, словно они могли защитить от взглядов этого места.

Воздух здесь был густым. Он пах озоном после удара молнии, железом и чем-то сладковато-гнилостным, как перезревший фрукт. Магия Мора висела над материком плотным куполом, преломляя свет мертвого солнца в болезненные лиловые сумерки.

— Куда теперь? — спросила она, стараясь ступать точно в следы архимага. Следы дымилась.

— К Кровавому Шпилю. Там находится якорь Источника. Ритуал требует симметрии: моя кровь даст силу для взлома печати, твоя пустота станет пробкой, которая не даст миру лопнуть, когда мы потянем за рычаг.

Он остановился так резко, что Лирайн врезалась ему в спину. От неожиданности она уперлась ладонями в его лопатки. Под тонкой тканью рубахи мышцы были твердыми, как гранит, но горячими, раскаленными изнутри постоянной борьбой с собственной токсичностью.

— Что ты... — начала она и осеклась.

Прямо перед ними из черного песка поднимались тернии. Но это были не растения. Это были люди. Или то, что от них осталось. Мужчины, женщины, дети, чьи тела проросли сквозь друг друга, сплетаясь костями и разорванной плотью в единый пульсирующий организм. Их лица были искажены вечной агонией, рты открыты в беззвучном крике, а вместо волос их головы украшали тонкие лозы скверны с хищными бутонами.

— Стражи Шпиля, — равнодушно пояснил Кайрен. — Первые поселенцы Выгорания. Они пытались молиться, пока магия переваривала их заживо. Теперь они охраняют покой того, кто их убил. Поэтично, не находишь?

Один из бутонов повернулся к ним. Лепестки цвета венозной крови раскрылись, обнажив ряды тонких, как иглы, зубов, и издал ультразвуковой визг.

Тварь бросилась на них. Это выглядело как падение гнилого дерева. Масса переплетенных тел неслась по песку, оставляя за собой след из черной желчи.

Лирайн выставила руки вперед чисто инстинктивно. Её антимагия ударила волной. Ближайшие к ней части химеры обратились в пепел, нарушив баланс конструкции. Существо завалялось набок, потеряв инерцию, и рухнуло в метре от них, рассыпавшись на шевелящиеся куски.

Кайрен развернулся. Его глаза горели тем самым опасным, почти безумным огнем, который она видела в крипте. Но сейчас к нему примешивалось что-то еще. Восхищение.

— Ты сделала это без катализатора, — прошептал он, делая шаг к ней. Пространство вокруг него задрожало от давления силы. — Просто голыми руками. Твоя пустота абсолютна.

— Не подходи, — предупредила Лирайн, отступая. Песок за её спиной предательски зазвенел.

— Боишься меня? — Он усмехнулся, обнажая зубы. В полумраке его клыки казались чуть длиннее человеческих. — После всего, что я уже взял у тебя, чего стоит одна жизнь?

Он сократил дистанцию одним текучим движением хищника. Прижал её к своему телу вплотную. Одной рукой перехватил оба её запястья над головой, вторая легла на талию, прямо поверх оголенной полоски кожи между штанами и краем ребер.

От контакта её пронзило током. Не болезненным разрядом магии, а чистым, первобытным желанием жить. Её антимагия встретила с его кровью. Пустота пыталась поглотить его суть, а его суть пыталась заполнить каждую микротрещину в её душе.

— Я чувствую, как бьется твое сердце, — выдохнул он ей в губы. Его дыхание опалило кожу. — Оно пытается выпрыгнуть из груди. Зачем? Я же не собираюсь тебя убивать. Пока что.

Лилайн дернулась, пытаясь высвободить руки, но хватка мага стала железной.

— Потому что всякий раз, когда мужчина подходит ко мне так близко, дело заканчивается цепями или кипящим маслом! — выкрикнула она, вкладывая в крик весь свой страх перед уязвимостью.

Кайрен замер. Его зрачки расширились, затопив почти всю радужку тьмой. Он медленно опустил взгляд на её рот, затем снова посмотрел в глаза. И засмеялся. Тихо, гортанно, совершенно искренне.

— Гидеон сломал тебе всё, до чего смог дотянуться, — произнес он, не ослабляя хватки. — Включая базовое доверие. Как неудобно. Мне придется доказывать свою полезность действиями, а не титулами.

Он наклонился ниже. Лилайн зажмурилась, ожидая укуса, удара, вторжения чужой воли в разум. Вместо этого она почувствовала прикосновение его губ.

Поцелуй не был нежным. Романтическое фэнтези закончилось в ту секунду, когда их губы соприкоснулись. Это был акт присвоения, жестокий и властный. Он пил её дыхание, вторгался языком в её рот с бесцеремонностью завоевателя, лишая возможности думать.

И Лилайн ответила.

Не потому, что простила. Не потому, что забыла Собор. А потому что её тело, отравленное чужим спасением и его кровью, впервые за пятнадцать лет перестало болеть. Боль сменилась тягучим, горячим медом, растекающимся от солнечного сплетения вниз. Его агония успокаивала её хаос.

Она разжала пальцы, впиваясь ногтями в его плечи, царапая заживающие шрамы. Боль одного исцеляла другого. Сейчас этот обмен работал в обе стороны.

Кайрен глухо зарычал ей в рот, разрывая поцелуй. Его рука на её талии сжалась так, что наверняка останутся синяки — темные, похожие на отпечатки пальцев самой смерти.

— Мы посреди поля из живой плоти, — прохрипел он, тяжело дыша. Лоб коснулся её лба. — Моя способность к самоконтролю имеет предел, пепельная. И ты стоишь слишком близко к краю.

— Так сделай шаг назад, — предложила она, не отстраняясь. Её голос сел до шепота.

— Не могу, — признался он. Впервые за всё время в его тоне прозвучала не уверенность бессмертного бога, а уязвимость человека. — Резонанс закрепился. Если я отпущу тебя сейчас, мой магический контур пойдет вразнос. Мне нужно держать физический контакт хотя бы раз в час, иначе я начну вскрывать себе вены просто чтобы увидеть, какого цвета течет кровь у нормальных людей.

Лилайн моргнула, осознавая масштаб катастрофы. Они стали симбионтами. Наркотической зависимостью друг для друга.

Звук рвущейся плоти заставил их обоих вздрогнуть.

Один из «Стражей», оплавленный её пустотой, собрался заново. Теперь это была гора мяса высотой в два этажа, стоящая на четырех руках-опорах. Бутоны скверны на его теле распахнулись одновременно, готовясь залить берег кислотой.

Кайрен выругался. Древний, грязный матросский жаргон резанул слух своей приземленностью.

— Экскурсия окончена, — он схватил её за руку. На этот раз хватка была другой — берегающей. — Держись за меня. Если свалишься, я вернусь за твоим трупом только ради сапог. Вперед.

Он толкнул её себе за спину. Вокруг его фигуры взвихрился воздух, сгущаясь в кроваво-красный туман. Архимаг расправил плечи, и земля под ними содрогнулась.

— Хочешь посмотреть на настоящую тёмную магию, девочка? — прорычал он, поворачиваясь лицом к химера-гиганту. — Посмотри внимательно. Тебе завтра делать нечто похожее, только в планетарном масштабе.

Он ударил кулаком по воздуху.

Пространство перед ним не взорвалось. Оно *расшилось*. Реальность разошлась по швам багровым разрезом, открыв взгляду бесконечную бездну, полную воющих душ и жидкого огня. Из разреза пахнуло таким холодом, что черные пески мгновенно покрылись инеем.

Химера заверещала, когда край этого разреза прошел сквозь её левую половину, отрезая конечности с хирургической точностью. Обрубки не упали — они истлели, превращаясь в пыль, которую тут же всосала воронка.

Кайрен перешагнул порог реальности, утягивая Лирайн за собой. Мир мигнул.

Они оказались у подножия Кровавого Шпиля.

Башня возвышалась впереди, пронзая больное небо. Она была сложена не из камня. Шпиль состоял из миллионов кристаллизовавшихся сердец, которые всё ещё слабо сокращались в унисон, создавая тот самый низкий гул, который Лирайн приняла за песню песка.

Кайрен отпустил её руку, тяжело опираясь о землю. По его вискам градом катился пот, смешиваясь с кровью из вновь открывшихся порезов на шее.

— Контакт разорван двадцать секунд, — констатировал он, глядя на свои дрожащие пальцы. — Еще минута, и я начал бы гнить заживо.

Он поднял на неё взгляд. В глазах больше не было ни высокомерия, ни жажды власти. Только звенящая, опасная ясность.

— Добро пожаловать в наш медовый месяц, Лирайн. Условия просты: держи меня за руку, пока мы идем к вершине. И если ты попытаешься вырваться, я позволю этому миру сожрать нас обоих. Выбор за тобой.

Он протянул ей ладонь. Раскрытую, окровавленную, обещающую ад и спасение в одном флаконе.

Романтика в этом мире строилась не на лунных дорожках. Она строилась на совместном выживании в пасти чудовища.

Глава 5. Алтарь из костей

Лилайн вложила свою ладонь в его руку.

Кожа к коже. Пепел к крови. В ту же секунду она почувствовала, как по её венам вместо привычного ледяного онемения разливается густой, тяжелый жар. Кайрен не просто держал её — он делился с ней своим метаболизмом. Её легкие расширились, впуская отравленный воздух материка без боли и спазмов.

— Не привыкай, — бросил архимаг, начиная подъем по спиральной тропе Шпиля. Его голос звучал ровно, но пальцы, стискивающие её руку, мелко подрагивали. — Это временная инъекция. Как только мы поднимемся выше уровня сердца башни, мой яд начнет жечь тебя изнутри. Нам нужно успеть закончить до того, как твоя кровь закипит.

Шпиль дышал. С каждым витком спирали «сердца» в стенах сокращались быстрее, проталкивая по каменным артериям черную слизь. Капли этой слизи падали со сталактитов наверху. Там, где они касались черного песка ступеней, песок мгновенно прорастал пульсирующими грибами размером с кулак. Грибы раскрывались, выплевывая споры, которые тут же пожирали друг друга.

— Почему это всё еще живое? — спросила Лилайн, перешагивая через лужу светящейся желчи. — Выгорание убило материк столетия назад. Что питает эту агонию?

— Ненависть, — коротко ответил Кайрен. — И моя подпись кровью на фундаменте. Я был архитектором этого места. Левиафан дал нам кости для корабля, а я отдал этому берегу свои амбиции. Шпиль пьет страдания всего континента и перекачивает их вниз, к Источнику. Мы идем прямо в глотку бога.

Они вышли на широкую площадку примерно на середине высоты башни. Здесь стена из сердец расступалась, образуя круглую арену. В центре стоял монолитный алтарь из гладкого обсидиана. А над ним...

Над ним висела корона.

Она не лежала на бархате. Она парила в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси. Обруч из переплетенных шипов Мора, внутри которых билась вязкая тьма. Казалось, что если коснуться металла, палец растворится до кости. Корона источала такое концентрированное отчаяние, что у Лилайн заныли зубы.

— Венец Скорби, — выдохнула она.

— Ключ от печати, — поправил Кайрен. Он отпустил её руку и шагнул к алтарю. Без поддержки её антимагии румянец начал возвращаться на его бледные щеки, но вместе с цветом вернулась и лихорадочная краснота глаз. — Надевание его убивает носителя за три удара сердца. Но смерть высвобождает достаточно энергии, чтобы пробить дыру в реальности. Твоя задача — поймать этот поток пустотой и заштопать края, пока нас не стерло.

Он снял с пояса свой ритуальный нож. Простая рукоять из человеческой кости, лезвие тускло мерцало в полумраке. Кайрен повернулся к ней спиной.

— Раздень меня, — приказал он.

— Что? Прямо сейчас? Башня пытается переварить нас заживо, а ты решил... — начала язвить Лилайн, но осеклась, увидев линию шрамов на его позвоночнике.

Это была не карта пыток. Это была готовая схема разреза. Руны, вырезанные глубоко в плоть, соединялись в единый контур, напоминающий анатомический атлас вскрытия. Кровь уже сочилась из старых швов — башня реагировала на близость своего создателя.

— Магия крови требует жертвоприношения, пепельная, — сказал он глухо, не оборачиваясь. — Обычно я использую чужую кровь. Десятки рабов. Сегодня времени нет. Мне нужно вспороть собственную брюшину так, чтобы не задеть крупные сосуды раньше времени. Если

мои руки дрогнут на первом разрезе, я истеку кровью до завершения первой формулы. Помогите мне.

Романтика умирала мучительной смертью, уступая место холодному ремеслу мясника. Лирайн подошла к нему вплотную. От него пахло озоном и медью. Она расстегнула пряжки его кожаных ремней и спустила грубую ткань с плеч. Спина Кая представляла собой одну сплошную открытую рану, которая то затягивалась тонкой пленкой, то снова расходилась.

— Удерживай края, — скомандовал он. — Когда я скажу «три», дави изо всех сил вот сюда и сюда. — Он ткнул пальцем себе под ребра. — Готова?

Лирайн сглотнула ком в горле и положила ладони на указанные точки. Её собственная магия-пустота заворочалась в животе, чувствуя приближение колоссального выброса силы.

— Ненавижу тебя, — прошептала она.

— Знаю, — отозвался он. — На счет «три».

Раз. Воздух зазвенел от напряжения.

Два. Сердца в стенах Шпиля забились в унисон, создавая ритм погребального барабана. Три.

Кайрен вонзил нож себе под грудину одним плавным движением. Хруст рассекаемого хряща прозвучал громче рева бури снаружи. Он провернул лезвие, расширяя рану, и опустил руки. Теперь удерживать зияющую плоть должна была она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.